

ИСТОРИЯ, НАРОДНОСТЬ, ПОЛИТИКА И ВОЙНА ¹⁾.

Этюдъ на современныя темы.

I.

Историческія судьбы европейскихъ племенъ окончательно еще не опредѣлились. И это болѣе всего относится къ славянамъ.

Одна изъ основныхъ гипотезъ о нашемъ происхо-

¹⁾ Недавно одна изъ петербургскихъ газетъ отмѣтила, что, въ виду участія въ современныхъ войнахъ цѣлыхъ массъ запасныхъ, для вѣрной оцѣнки нашихъ силъ, надо вникать также и въ настроеніе деревни. Въ наше время идти въ бой безъ точнаго пониманія причинъ, вовлекшихъ родину въ войну, трудно. Слишкомъ многимъ современная война готовить смерть, чтобы не нужно было ясное сознаніе важности самопожертвованія. Въ этихъ соображеніяхъ слѣдуетъ готовить народъ къ сознательному усвоенію задачъ нашей Имперіи, къ пониманію политическаго момента и того, что происходитъ. Слѣдуетъ ему напомнить и тѣ приемы, которыми теперь добываются побѣды на поляхъ сраженій. Нужно растолковать народу значеніе срочной явки по мобилизаціи, значеніе порядка при свозкѣ войскъ по желѣзнымъ дорогамъ и всѣхъ прочихъ усилій и жертвъ, которыхъ родина требуетъ отъ каждаго изъ насъ въ военное время. Желательно своевременное заготовленіе брошюръ, разъясняющихъ народу историческія задачи Россіи, происки враговъ славянства и сущность современной войны. Съ изложеннымъ выше совпадаетъ и цѣль настоящей статьи.

жденіи и о славянской древности заключается въ полусказочномъ, гадательномъ повѣствованіи о такъ называемомъ переселеніи народовъ. Къ этому времени исторія относитъ также и появленіе въ Европѣ славянъ, этого младшаго, какъ принято считать, изъ европейскихъ племенъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, славяне въ древности были лишены всякой культурной самобытности, на основаніи чего на западѣ сложилось мнѣніе о низшемъ (инферіорномъ) якобы происхожденіи славянъ и о меньшей воспримчивости ихъ для просвѣщенія.

Эта обидная для славянства теорія и до сего времени еще держится въ западной Европѣ, въ особенности среди германскаго ученаго міра.

Недавно въ нѣмецкой литературѣ появился трудъ неизвѣстнаго прежде славянскаго этимолога и историка, Мартина Жунковича, озаглавленный, въ первыхъ его изданіяхъ: «когда славяне появились въ средней Европѣ», а въ послѣднемъ, шестомъ: «славяне, коренные жители Европы» ²⁾).

Разсматривая древнѣйшую исторію Европы, въ противоположность прежнимъ, одностороннимъ теоріямъ, съ новыхъ исходныхъ точекъ зрѣнія, авторъ сообщаетъ о своихъ поразительныхъ открытіяхъ въ области доисторической жизни древней Европы. Онъ не только опровергаетъ ложное представленіе о переселеніи народовъ, въ томъ видѣ, какъ его, неосновательно, привыкли изображать прежніе историки, но доказываетъ, что самымъ древнимъ кореннымъ языкомъ въ Европѣ былъ языкъ славянской. Вопреки нѣмецкимъ теоріямъ о германскомъ происхожденіи древнѣйшаго европейскаго алфавита—«руновъ»—этотъ алфавитъ оказывается славянскимъ. Содержаніе всѣхъ разобранныхъ до сего времени руническихъ надписей и понынѣ понятно каждому образованному славянину. Естественный смыслъ огромнаго большинства древнихъ топическихъ словъ, т. е. названій мѣстныхъ предметовъ въ Европѣ, насколько таковыя не подверглись еще искаженіямъ, по изслѣдованіямъ того же автора, поддается логическому объясненію только при помощи ихъ славянскихъ корней. Далѣе онъ приходитъ къ выводу, что никогда славяне не переселялись въ Европу, а что они являются здѣсь коренными жителями. Различные памятники древней европейской культуры, считавшіеся до сего времени поддѣльными, какъ, напримѣръ, такъ называемыя «варварскія» древ-

²⁾ М. Żunkowicz: «Wann wurde Mitteleuropa von den Slaven besiedelt» u. «Die Slaven, ein Urvolk Europas», 6. Ausg. Wien, in Kommission bei der K. K. Universitätsbuchhandlung G. Szeliński.

нія монеты, идолы, многія руническія надписи и т. д., по мнѣнію Жуковича, отнюдь не фальсификація, каковою ихъ считали единственно лишь въ силу ошибочнаго предположенія, что славяне въ древности были лишены культуры.

Если эти новѣйшія открытія вѣрны и дѣйствительно славяне аборигены, коренные туземцы, первобытные обитатели Европы, когда-то населявшіе не только восточную, но и западную Европу, то въ такомъ случаѣ наше племя послужило какъ бы закваской для другихъ народовъ Европы, смѣшавшихся съ кореннымъ славянскимъ населеніемъ. А такъ какъ выдающимися природными свойствами славянскаго племени являются его выносливость, способность переносить всякаго рода невзгоды и лишенія, далѣе трудолюбіе, консерватизмъ, любовь къ природѣ, поэзія, богатая фантазія и вдумчивость въ области мистицизма и вѣры, то эти именно благоприятныя для культурнаго развитія качества прибавились у западныхъ народовъ, поглотившихъ славянъ, что немало способствовало достиженію ими той высокой степени цивилизаціи, которой такъ гордятся западные народы передъ славянами. Больше всего славянской крови течетъ въ жилахъ германцевъ, онѣмечившихъ, въ сравнительно недавнее время, миллионы славянъ, населявшихъ весь правый берегъ р. Эльбы, вплоть до береговъ Даніи и Нѣмецкаго моря.

Но печально то обстоятельство, что, вникая въ исторію славянъ, съ глубокой древности вплоть до нашихъ дней, замѣчается одна общая, гибельная для нихъ черта, состоящая въ томъ, что всегда они помогали своимъ врагамъ въ борьбѣ противъ другихъ, славянскихъ же народовъ, чѣмъ и содѣйствовали болѣе всего быстрому своему исчезновенію на западѣ, тормозя, такимъ образомъ, также и самобытное свое развитіе и навлекая на себя неуваженіе народовъ Европы, у которыхъ заслужили оцѣнку якобы инферіорнаго племени. Почему же скрытое нерасположеніе къ славянамъ западныхъ народовъ иногда доходитъ до явнаго пренебреженія, до чувства враждебнаго, несмотря на то, что во всѣхъ областяхъ культуры и просвѣщенія славяне всегда имѣли достойныхъ представителей? Не потому ли, что съ незапамятныхъ временъ славяне служили самымъ податливымъ, желаннымъ матеріаломъ для ихъ роста и преуспѣянія? Въ Германіи существуетъ по этому предмету цѣлая литература, враждебная славянамъ и проповѣдывающая теорію объ инферіоритетѣ славянъ, пригодныхъ якобы лишь какъ «пища» для другихъ народовъ. Давно пора вывести изъ заблужденія послѣдователей этого вздорнаго, оскорбительнаго положенія! Вѣдь

сами же нѣмцы доказали, до какой высокой степени культуры могутъ дойти варвары, которыми они были полторы тысячи лѣтъ тому назадъ.

Соревнованіе на культурномъ поприщѣ, конечно, невозможно безъ экономическаго расцвѣта и безъ политическаго могущества, которое одно въ состояніи обезпечить народамъ культурную самобытность. Естественно, что славянамъ не остается ничего иного, какъ оградить себя, прежде всего, и съ этой стороны, путемъ общаго единенія, а затѣмъ уже доказать на дѣлѣ свои всестороннія культурныя способности.

II.

Любопытно прослѣдить, какъ въ историческія уже времена происходила политическая группировка населенія той части Европы, которая соприкасалась со славянскимъ элементомъ.

Тамъ, гдѣ территоріи многочисленныхъ отпрысковъ крупныхъ европейскихъ племенъ полосами входили одна въ другую и сосѣднимъ государствамъ почему-либо не удалось присоединить эти смѣшанные районы, тамъ возникли небольшія то нейтральныя, то самостоятельныя государства или же, если случайныя условія благоприятствовали этому, даже и большія державы, но со смѣшаннымъ, до крайности пестрымъ, населеніемъ.

Благодаря странному совпаденію подобныхъ капризовъ исторіи, на югѣ и юго-западѣ Россіи появились двѣ имперіи, населенныя славянскими и другими мелкими народностями безъ всякой прочной связи и даже враждебными между собою.

Съ одной изъ нихъ, основанной пришлымъ азіатскимъ племенемъ на развалинахъ Византіи, Болгаріи и Сербіи, Россія успѣшно боролась въ теченіе вѣковъ, освободивъ южныхъ славянъ отъ постыднаго ига и положивъ основаніе для ихъ возрожденія.

Съ другой же имперіей, возникшей въ самомъ центрѣ Европы, подъ главенствомъ нѣмецкой династіи, изъ множества другъ другу чуждыхъ народовъ, по мнѣнію многихъ политическихъ авторитетовъ, придется Россіи, несмотря на ея миролюбіе, рано или поздно помѣриться силами изъ-за стремленія этой державы, въ качествѣ союзницы Германіи, рѣшать вопросы ближняго Востока въ смыслѣ, враждебномъ Россіи. Вторую причину недовѣрія Австріи къ Россіи и недружелюбнаго отношенія къ сей послѣдней многіе видятъ въ томъ, что, даже помимо желанія Россіи, въ силу естественныхъ законовъ кровнаго родства, славяне, не только балканскіе, но и австрійскіе, тяготеютъ къ Россіи, въ виду чего Австрія, съ своей

стороны, старается вселить рознь среди славянъ, возбуждая враждебныя къ Россіи чувства у поляковъ и малороссіянъ.

Съ подобнымъ мнѣніемъ о неизбежности войны между Австріею и Россіею можно не согласиться по многимъ причинамъ. Но, для уразумѣнія взаимнаго положенія этихъ двухъ державъ, необходимо коснуться области міровой политики.

Извѣстно, что распорядители современной международной политики руководствуются не одними только этическими настроеніями. Направленіе высшей политики зависит не такъ отъ гуманныхъ начертаній верховной власти, какъ, прежде всего, отъ интересовъ экономическаго свойства. Прежде, чѣмъ признать пользу любой политической комбинаціи, разсматриваютъ выгоды, какія она можетъ доставить промышленности, торговлѣ, затраченнымъ въ чужихъ странахъ капиталамъ, предпріятіямъ и другимъ государственнымъ и частнымъ интересамъ. Въ нѣкоторыхъ странахъ, подъ вліяніемъ сильнаго либеральнаго парламентаризма, политика сводится все болѣе къ примѣненію историко-соціологическаго ученія, названнаго экономическимъ матеріализмомъ.

Но—странное на видъ явленіе—параллельно съ возрастающимъ въ міровой политикѣ реализмомъ, не взирая на паденіе старыхъ идеаловъ среди части общества и даже на осужденіе передовыми теоретиками принциповъ націонализма, съ другой стороны, среди родственныхъ другъ другу народовъ не перестаетъ развиваться сильнѣйшее стремленіе къ единенію. А это—стихійная сила, исходящая изъ живѣйшаго народнаго чувства самосохраненія и самоопредѣленія, и, какъ таковая, она совершенно понятна и естественна. Она инстинктивно приближаетъ народы къ осуществленію фѣдерализма или политическаго коллективизма. Мелкія національныя и государственныя единицы являются все болѣе безсильными въ современномъ политическомъ мірѣ и ни въ какомъ случаѣ не могутъ удержаться на ряду съ крупными, всемірными державами. Въ виду сего родственные по происхожденію народы стремятся къ объединенію, такъ какъ только при этомъ условіи они будутъ въ состояніи пользоваться всѣми благами возможно лучше устроенной культурной жизни. Политики предсказываютъ, что постепенно съ карты Европы исчезнутъ всѣ малыя государства, между тѣмъ какъ великія державы возрастутъ до небывалыхъ размѣровъ. Громадное увеличеніе производительности и сбыта, вмѣстѣ съ крайнимъ развитіемъ всѣхъ прочихъ отраслей культуры, дасть имъ такой перевѣсъ надъ мелкими государствами, что существованіе сихъ послѣднихъ будетъ безцѣльно и невозможно. Къ подобному міровому владычеству

стремятся уже теперь Англія, Германія, С. Америка. И другимъ государствамъ не остается ничего другого, какъ примѣняться къ тому же принципу и объединяться все болѣе въ крупныя единицы. Этого требуетъ также и милитаризмъ, т. е. постановка въ государствѣ военныхъ интересовъ въ такія условія, чтобы армія и флотъ вполне обеспечивали государство извнѣ. А безъ милитаризма въ наше время обойтись нельзя, между тѣмъ какъ въ малыхъ государствахъ онъ не достигаетъ цѣли.

Стремительная сила, побуждающая народы, близкіе по крови и духу, соединиться, несмотря ни на какія препятствія, въ концѣ концовъ всегда торжествовала. Такъ, начиная съ середины прошлаго столѣтія, объединялась Италія и была создана новая, великая Германія, усиліями войнъ 1859, 1866 и 1870 гг. Но объединеніе нѣмецкаго народа осталось неоконченнымъ, такъ какъ въ Австріи живетъ еще около 12 милліоновъ нѣмцевъ, большинство которыхъ, занимая окраины Богеміи, Моравіи и Силезіи, эрцгерцогство австрійское, Зальцбургъ, половину Штиріи, Каринтіи, Крайны и Тироля съ Форальбергомъ,—только и мечтаетъ о скорѣйшемъ соединеніи съ Германіею.

Положеніе новой Австріи, преобразованной послѣ прусской войны въ дуалистическую имперію—Австро-Венгрію, со временемъ сдѣлалось крайне критическимъ, даже опаснымъ. Въ одной половинѣ—Цислейтаніи господствуютъ нѣмцы, а въ другой—Транслейтаніи—мадьяры. Обѣ эти народности, вмѣстѣ взятыя, составляютъ едва 38% общаго населенія, противъ 62% жителей другихъ народностей, недовольныхъ дуалистическимъ устройствомъ Австріи и еще болѣе нѣмецкимъ ея режимомъ. Если руководители австрійской политики и впредь сохранятъ, какъ въ этомъ сомнѣваться нельзя, нѣмецкій характеръ этой имперіи, то ей не останется ничего иного, какъ опереться еще тверже на Германію, т. е. продолжать опускаться по наклонной плоскости самаго тѣснаго сближенія съ Германіею, съ которой затѣмъ она и должна слиться окончательно, какъ слилась съ нею уже южная Германія. Удержаться же въ настоящей своей роли второй нѣмецкой имперіи, чѣмъ-то въ родѣ нѣмецкой Украины, съ преобладающимъ славянскимъ населеніемъ, конечно, нельзя. И это положеніе вещей несомнѣнно является весьма важной побудительной причиной для тяготѣнія къ Россіи славянъ, какъ балканскихъ, которыхъ Австрія, въ качествѣ вольнаго и невольнаго орудія германскаго «Drang nach Osten», хотѣла бы себѣподчинить, такъ равно и коренныхъ австрійскихъ славянъ. Въ этомъ Россія неповинна.

Нынѣ цѣлыя массы австрійскаго, и не только славянскаго, населенія убѣждены въ томъ, что въ недалекомъ будущемъ готовится, прежде всего, окончательное объединеніе всего нѣмецкаго населенія Австріи съ Германіею, въ силу чего, естественно, обнаруживается все рельефнѣе также и стремленіе всѣхъ нерусскихъ славянъ къ объединенію съ Россіею, безъ всякаго рѣшительно подстрекательства со стороны послѣдней. Только часть мало еще развитыхъ въ политическомъ отношеніи малороссовъ способна прельщаться внушаемой имъ съ непріятельской стороны мыслью о сепаратизмѣ, которою нынѣ уже не соблазняются даже многіе дальновидные польскіе политики. Игнорировать всѣ эти общеизвѣстные факты—отнюдь не слѣдуетъ.

Осуществленію пангерманизма врядъ ли можетъ помѣшать что-либо, хотя великая германская идея пріятна далеко не всей Европѣ. А затѣмъ, безъ сомнѣнія, вступить въ свои права и столь же мало желанный для Европы панславизмъ. Въ свое время произойдетъ, вѣроятно, еще и тѣсное сближеніе всѣхъ прочихъ родственныхъ народовъ, способныхъ на объединеніе.

Безусловно вѣрно, что уже въ настоящее время всѣ нерусскіе славяне сходятся въ убѣжденіи, что спасти свои народные идеалы они могутъ лишь путемъ общаго единенія. Это доказываютъ также и послѣднія событія на славянскомъ югѣ, неожиданно затронувшія вдругъ всѣ враждебныя славянамъ силы и этимъ подвинувшія къ развязкѣ, пожалуй, не одни только славянскіе, но и всѣ прочіе назрѣвшіе политическіе вопросы, не исключая и давно ожидаемаго всею нѣмецкою націею окончательнаго сліянія германскаго міра.

На Балканахъ совершается уже нынѣ первое дѣйствіе политическаго единенія славянъ, недавно еще враждебныхъ между собою и вдругъ рискнувшихъ всѣмъ своимъ достояніемъ для достиженія, соединенными силами, столь трудной цѣли, какъ разрушеніе европейской Турціи, населенной тѣми же, такъ долго притѣсняемымъ, славянами и греками. Что недавно еще казалось неосуществимой проблемой быстро превращается въ несомнѣнный фактъ.

III.

Самую выгодную роль играютъ часто тѣ великія державы, которыя сумѣютъ воздержаться отъ вмѣшательства въ случающіяся войны, занимая выжидательное положеніе, во всеоружіи огромнаго запаса свѣжихъ, боевыхъ силъ. Опираясь на таковыя, онѣ нерѣдко

въ состояніи продиктовать потомъ свою волю даже и побѣдителямъ. Въ искусствѣ умѣть опереться на свои боевыя силы въ самый подходящій политическій моментъ лежитъ весь смыслъ, какъ активнаго, такъ и пассивнаго милитаризма; на немъ построены обыкновенно всѣ расчеты и успѣхи агрессивной политики. Напротивъ, тѣ государства, которыя въ такой рѣшительный моментъ окажутся неготовыми къ войнѣ или силы которыхъ исчерпаны, рискуютъ положительно всѣмъ. Насколько выгодно обладать крупными военными силами, настолько же рискованно, при современныхъ международныхъ условіяхъ, израсходовать ихъ. Самая лучшая военная организація, обусловленная возможностью своевременнаго возстановленія затраченныхъ въ военное время силъ и средствъ, не спасаетъ отъ разстройства финансовъ и отъ временнаго ослабленія военной готовности послѣ большой войны, чѣмъ всегда могутъ воспользоваться недоброжелательные сосѣди. Въ виду сего, затѣвая войну, необходимо, во-первыхъ, чтобы цѣль и ожидаемые результаты войны соответствовали риску. Во-вторыхъ, надо предварительно заручиться гарантіями невмѣшательства другихъ державъ и активными союзниками на случай подобнаго вмѣшательства. А такъ какъ предусмотрѣть всѣ послѣдствія войны трудно, то понятно, что, не желая рисковать многимъ, великія державы рѣшаются на войну лишь въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ, когда положительно не находятъ другого исхода. Основываясь на изложенномъ, можно усомниться, дѣйствительно ли дѣло дойдетъ когда-либо до общей войны между европейскими державами, такъ какъ результаты ея могли бы быть во всѣхъ отношеніяхъ неожиданными... Та же Австрія, которая нынѣ такъ самоувѣренно играетъ съ огнемъ, первая могла бы испытать на себѣ ея тяжкія послѣдствія. При извѣстныхъ обстоятельствахъ такая война могла бы послужить удобнымъ моментомъ для поглощенія Цислейтаніи Германією и для сліянія придунайскихъ и балканскихъ народовъ въ великое федеративное государство.

Вообще, пессимисты рисуютъ ближайшее будущее въ чрезвычайно мрачномъ видѣ. Они говорятъ: Германіи въ настоящихъ ея границахъ давно тѣсно; она задыхается. Она *вынуждена* расширять свои владѣнія въ восточномъ направленіи. Духъ прусскаго ордена среди нѣмцевъ давно воскресъ. Пока они взялись за экспропріацію польскихъ земель въ Познани. Къ войнамъ 1866 и 1870 гг. они готовились въ теченіе многихъ лѣтъ. А кто знаетъ, какъ давно они готовятся уже къ великой борьбѣ со славянскимъ міромъ? Стремясь къ міровому владычеству, Германія, правда, на-

жила себѣ врага въ лицѣ Англіи, вынужденной напасть на нее ранѣе, чѣмъ Германія сравняетъ свои морскія силы съ англійскими. Но тутъ еще возможенъ компромиссъ, невысказанный въ дѣлѣ расширения Германіи на востокъ. Последнее возможно только при помощи войны. У Россіи же избытокъ земли. Она надолго занята внутренними своими вопросами и реформами. Ей нуженъ одинъ только продолжительный миръ. Можетъ ли Германія дожидаться, пока огромный организм Россіи вполне окрѣпнетъ и она, во всеоружіи своего могущества, будетъ неуязвима? Устранить фактъ необходимости расширения границъ Германіи не въ состояніи дальнія ея колоніи. Выводъ одинъ: общая война близка именно потому, что Россія не желаетъ ея.

Какъ бы то ни было, одно мнѣ кажется несомнѣннымъ: надо помнить, что въ наше время не можетъ быть успѣшной войны безъ общаго патріотическаго воодушевленія. Именно въ нашъ реальный вѣкъ исходъ каждой войны болѣе, чѣмъ когда-либо, зависитъ отъ настроенія страны и въ зависимости отъ сего и войскъ. Возможно лучшая подготовка боевыхъ силъ, превосходное вооруженіе, техническія средства, — все это несомнѣнно даетъ много шансовъ для побѣды. Но безъ единодушнаго, высокаго подъема духа, способнаго увлечь массы на смерть, — все это теряетъ много значенія передъ лицомъ болѣе сильнаго въ нравственномъ отношеніи противника. Въ военной исторіи мало есть примѣровъ (за исключеніемъ гибели горсти героевъ въ борьбѣ съ превосходнымъ числомъ враговъ, подъ Термопилами), чтобы пораженіе потерпѣла сторона, превосходившая высокими воодушевленіемъ другую. Такое воодушевленіе придаетъ войскамъ неподражаемую способность легко и быстро приводить въ исполненіе самую смѣлѣя по замыслу рѣшенія; оно создаетъ непримѣнимые въ другихъ обстоятельствахъ тактическіе приемы и всегда достигаетъ неожиданныхъ успѣховъ. Не кабинетнымъ терминомъ явилось Суворовское «быстрота и натискъ»; оно вынесено изъ опыта самыхъ блестящихъ побѣдъ. Выраженіе Наполеона, что на войнѣ три четверти успѣха вытекаютъ изъ моральныхъ силъ, также не пустая фраза. То же говорить и древне-римская пословица: «fortes fortuna adjuvat» (храбрыми и счастье дается) и наша русская поговорка: «смѣлымъ Богъ владѣеть».

Въ массахъ понемногу уже зарождается сознаніе личной воли и кое-какіе критическіе порывы и это дѣлаетъ ихъ болѣе восприимчивыми для тѣхъ настроеній, отъ которыхъ зависитъ или рѣшимость умереть за родину, или обратное явленіе: трусливое отноше-

нѣ къ военному долгу, смотря по причинамъ, вызвавшимъ войну, и еще болѣе по цѣли, намѣченной для достиженія столь дорогой цѣной.

Можетъ ли быть въ этомъ отношеніи что либо поучительнѣе, чѣмъ настоящая славяно-турецкая война? Испытанная вѣками, извѣстная своею стойкостью, болѣе чѣмъ полумилліонная турецкая армія, воспитанная въ культѣ беспощадной борьбы съ невѣрными, несмотря на то, что организаціею, обученіемъ и вооруженіемъ ея руководили нѣмецкіе авторитеты и что въ ея рядахъ сражались даже германскіе и австро-венгерскіе офицеры, не успѣла опомниться, какъ была сметена съ обширнаго поля военныхъ дѣйствій и изъ цѣлаго ряда укрѣпленій соединенными силами молодыхъ еще въ военной исторіи болгарскихъ, сербскихъ, черногорскихъ и греческихъ войскъ. Трудно же утверждать, что послѣднія были обучены и вооружены лучше турецкихъ. Если въ союзныхъ славянскихъ арміяхъ введенъ бездымный порохъ, новѣйшая шрапнель, автоматическіе карабины, осадныя и скорострѣльные орудія, то и турецкая армія, благодаря заботамъ фельдмаршала фонъ-деръ-Гольца, не такъ ужъ отстала отъ современныхъ военныхъ требованій.

Только рѣдкій по своей силѣ подъемъ духа, единодушная, фанатически отчаянная удача добились въ этой войнѣ успѣховъ, болѣе которыхъ не достигла бы въ столь короткое время, пожалуй, и прославленная прусская армія...

IV.

Въ Австро-Венгріи нынѣ открыто пишутъ и говорятъ о близости войны съ Россіею...

Обращаюсь къ оцѣнкѣ австро-венгерскихъ военныхъ силъ.

Прежде всего необходимо ближе разсмотрѣть народонаселеніе этой имперіи; по нему можно безошибочно судить и о составѣ арміи.

Изъ общаго числа 53 милліоновъ жителей Австро-Венгріи, около 26¹/₂ милліоновъ принадлежатъ къ славянскимъ народностямъ, а именно: 10³/₄ милліоновъ чеховъ, моравовъ и словаковъ, 4³/₄ милліона малороссовъ, 4¹/₂ милліона сербо-хорватовъ, 4¹/₂ милліона поляковъ и 2 милліона словинцевъ. Затѣмъ 12¹/₂ милліоновъ нѣмцевъ, 8 милліоновъ мадьяръ, 3 милліона румынъ, 2¹/₄ милліона евреевъ, ¹/₂ милліона итальянцевъ и всѣхъ остальныхъ національностей около ¹/₄ милліона.

Такимъ образомъ, преобладающее въ Австріи племя—австрійскіе славяне, остатки древнихъ, западно-европейскихъ славян-

скихъ народностей, поглощенныхъ германскими и романскими народами. Закаленные въ превратностяхъ судьбы западной Европы, они съ трудомъ отстояли свою національность. Въ исторіи они неоднократно играли видную роль, какъ, напримѣръ, во время расцвѣта Великоморавскаго царства на сѣверѣ, а Сербскаго и Болгарскаго на югѣ; потомъ во время нашествія монголовъ на западную Европу; потерпѣвшихъ пораженіе въ чешской Моравіи; далѣе въ борьбѣ съ прусскими рыцарями, окончившейся славной побѣдой подъ Грюнвальдомъ; затѣмъ въ періодъ, предшествовавшій реформаціи, когда славянская образованность, науки и искусства въ центральной Европѣ стояли на значительной высотѣ (древнѣйшій университетъ въ г. Прагѣ-чешскій, съ 1348 г.); затѣмъ во время чешской реформаціи, завершившейся торжествомъ гусситовъ, послѣ 12-лѣтней доблестной борьбы съ Римомъ, предпринявшимъ противъ нихъ пять крестовыхъ походовъ съ арміями, собранными римскими папами со всѣхъ католическихъ странъ; позже, во время Тридцатилѣтней и шведскихъ войнъ и, наконецъ, въ долготѣтней борьбѣ съ турками, отброшенными отъ Вѣны поляками и неоднократно разбитыми славянами, послѣ чего въ новѣйшее уже время Австрія организовала, въ защиту отъ турокъ, на южной своей окраинѣ особую славянскую провинцію съ военною организаціею (такъ называемая «Военная граница»), на подобіе нашей казачьей Украйны. Отличаясь примѣрнымъ трудолюбіемъ на всѣхъ поприщахъ культуры, австрійскіе славяне достигли сравнительно высокой степени просвѣщенія и благосостоянія, но, благодаря германизаторскимъ стремленіямъ австрійскаго правительства, которымъ они служили помѣхой, ихъ всегда преслѣдовали, и они такъ и остались пасынками этой имперіи, которая главнымъ образомъ ими же держалась и крѣпла.

Въ 1860 г. въ Австріи была обнародована конституція. Послѣ раздѣла въ 1867 г. австрійской имперіи на двѣ половины, нѣмецкую и венгерскую, правительство, вслѣдствіе обострившейся до крайности политической борьбы со славянами, не могло уже съ прежнимъ успѣхомъ продолжать свою германизаторскую дѣятельность. А потому, сдѣлавъ всевозможныя уступки полякамъ, которыхъ нетрудно было привлечь миражемъ восстановленія Польши оно создало изъ нихъ орудіе для своей политики. Нѣсколько позже была, кромѣ того, изобрѣтена, а при поддержкѣ изъ Германіи тщательно выращена, идея политическаго объединенія подъ эгидой Австріи всѣхъ малороссовъ, прозванныхъ отнынѣ «украинскимъ народомъ»...

Параллельно съ политикой такого рода въ Цислейтаніи, мадьяры въ другой, венгерской, половинѣ поступали еще болѣе круто съ транслейтанскими славянами: сербо-хорватами, словаками и угорскими русскими. Несмотря на гарантированную конституціею всѣмъ народамъ равныя права, удалось такимъ образомъ 20^{1/2} милліонамъ нѣмцевъ и мадьяръ, успѣшно справиться съ 26^{1/2} милліонами славянъ и 6-ю милліонами прочихъ народностей. Но въ настоящее время происходитъ уже переломъ среди поляковъ, болѣе всего помогавшихъ правительству, такъ какъ и польскіе дѣятели начинаютъ проникаться убѣжденіемъ, что стремленія австрійскаго правительства направлены исключительно въ пользу нѣмецкихъ интересовъ, но отнюдь не въ пользу поляковъ или новаго «украинскаго народа», интересы которыхъ, какъ славянскихъ народностей, всегда противоположны нѣмецкимъ. Враждебно относится нынѣ къ Россіи лишь меньшая часть австро-польской интеллигенціи.

Этого краткаго описанія достаточно, чтобы составить себѣ вѣрное понятіе о настроеніи 26^{1/2} милліоновъ австрійскихъ славянъ. А такъ какъ, начиная съ 1860 г., политическая борьба въ Австріи до нельзя быстро разбудила въ простонародь чуткій интересъ къ политикѣ, такъ что нынѣ трудно найти хижину, гдѣ бы политическія страсти не волновали людей до глубины души,—то не трудно догадаться, въ какомъ настроеніи славянскій простолюдинъ обыкновенно вступаетъ въ ряды австро-венгерской арміи, а также, съ какимъ чувствомъ онъ будетъ сражаться противъ славянъ же, хотя бы ему объ этихъ зарубежныхъ славянахъ и наговорили разныхъ небылицъ? А вѣдь половина всѣхъ австро-венгерскихъ войскъ—славяне! (20,28% чехо-мораванъ; 8,96% малороссовъ; 8,49% сербо-хорватовъ; 8,49% поляковъ и 3,78% словинцевъ).

Если же изъ этого числа вычестъ половину нижнихъ чиновъ малорусской національности (4,48%), три четверти польской (6,36%) и около десяти процентовъ нижнихъ чиновъ всѣхъ прочихъ славянскихъ народностей (3,25%), а всего 14,09%, доступныхъ, положимъ, славянофобскимъ внушеніямъ, по недостаточному ли умственному развитію, или вслѣдствіе партійной агитаціи, то въ рядахъ австро-венгерскихъ войскъ все-таки еще можно насчитать не менѣе 35,9% болѣе или менѣе сознательныхъ славянъ, которыхъ никто и ничто не сумѣетъ воодушевить для войны съ ихъ зарубежными братьями-славянами.

Отсутствіе воодушевленія или даже только отвращеніе къ войнѣ, конечно, не есть еще измѣна долгу; но способствовать побѣдамъ настроеніе этихъ 36% всей австрійской арміи во вся-

комъ случаѣ не будетъ. Недаромъ одинъ изъ депутатовъ австрійской делегации недавно высказалъ, что начинать войну со славянами рискованно для государства со славянскимъ народонаселеніемъ въ 26 милліоновъ и недаромъ каждую изъ славянскихъ побѣдъ на Балканахъ торжественно обходятъ молчаніемъ во многихъ славянскихъ странахъ Австріи.

Затѣмъ, обратимся къ солдатскому матеріалу нѣмецкой національности, какового въ австро-венгерской арміи состоитъ 23,6% общаго состава.

Всѣ военные нѣмецкаго происхожденія, на какой бы ни стояли степени умственнаго развитія, въ Австріи всегда настроены враждебно противъ славянъ, вслѣдствіе традиціоннаго съ давнихъ временъ воспитанія мѣстнаго нѣмецкаго населенія въ рѣзкомъ антагонизмѣ къ славянамъ. Въ виду же сравнительной малочисленности австрійскихъ нѣмцевъ, у которыхъ высоко развито національное сознаніе, имъ въ Австріи трудно играть ту исключительную, первенствующую роль, которая, по ихъ мнѣнію, имъ принадлежитъ. Вслѣдствіе сего, значительная часть ихъ отнюдь не скрываетъ, что давнимъ ихъ политическимъ идеаломъ есть соединеніе съ Германіею. Проявленія этого рода встрѣчаются въ австрійской печати, въ общественной и политической жизни весьма нерѣдко. Но этому явленію придаютъ тѣмъ менѣе значенія, что, въ отвѣтъ на подобныя манифестаціи, изъ Германіи даютъ понять, что Австрія, въ качествѣ носительницы германской культуры, имѣетъ свое особенное, полное высокаго значенія, призваніе.

А все-таки далеко не каждая война, каковая можетъ входить въ расчеты австрійскаго правительства, будетъ симпатична австрійскимъ нѣмцамъ, потому что виды австрійскихъ правящихъ сферъ, дорожащихъ еще воспоминаніемъ о недавней гегемоніи Австріи въ Германіи, невольно иногда не совпадаютъ съ германской политикой. Какъ видно изъ публичныхъ отзывовъ нѣмецкихъ національныхъ дѣятелей въ Австріи воинственная политика Австріи вызываетъ, напримѣръ, неудовольствіе среди австрійскихъ нѣмцевъ. Одинъ изъ ихъ политическихъ вождей недавно заявилъ въ вѣнскомъ парламентѣ, что въ виду явнаго расположенія большинства населенія монархіи въ пользу балканскаго союза, не можетъ быть и рѣчи о серьезномъ военномъ выступленіи Австро-Венгріи, за счетъ нѣмцевъ, а потому онъ протестуетъ противъ принесенія въ жертву нѣмецкой крови, для спасенія австрійской внѣшней политики, издавна ошибочной. Очевидно, въ случаѣ, если бы возгорѣлась пынѣ война, настроеніе австрійскихъ

нѣмцевъ склонится въ пользу ея лишь настолько, насколько въ ней будетъ участвовать вмѣстѣ съ Австріей и Германіа. А это важно въ виду того, что нѣмецкій элементъ составляетъ самое надежное ядро австрійской арміи. Нелишне принять во вниманіе, что именно среди австрійскихъ нѣмцевъ сложилось предположеніе о недолговѣчности Австріи, потерявшей на ряду съ новой великой Германіею главнѣйшій свой «raison d'être».

Войска мадьярской національности (около 15% общаго числа австро-венгерскихъ военныхъ силъ)—это лучший военный матеріалъ, какой себѣ можно представить. Выносливые, смѣтливые и храбрые, они никогда не унываютъ. Въ злосчастной битвѣ подъ Садовой, когда вся армія Бенедека бѣжала въ безнорядкѣ, общая паника ихъ не коснулась. Они—отличные наѣзники и развѣдчики. Венгерскіе гусарскіе полки, состоящіе почти исключительно изъ нижнихъ чиновъ мадьярскаго происхожденія, это прекрасная, легкая кавалерія, напоминающая нашихъ черкесовъ.

Если, однако, принять во вниманіе, что связь мадьярскаго народа съ Австріею совершенно случайная; что мадьяры отличаются громаднѣмъ, доходящимъ до карикатурности, самонѣніемъ; что они одинаково не расположены какъ къ славянамъ, такъ и къ нѣмцамъ и румынамъ, составляющимъ большинство народонаселенія Венгріи, и что сами они нелюбимы этими народностями изъ-за своего крутого властолюбія: то блестящія боевыя качества мадьяръ теряютъ много отъ пестраго состава венгерской арміи, въ которой преобладаютъ притѣсняемые ими недруги. Даже и среди самихъ мадьяръ всегда существовала и нынѣ существуетъ сильная партія, враждебная Австріи, мечтающая объ окончательномъ отдѣленіи Венгріи отъ имперіи Габсбурговъ. Во время Австро-прусской войны 1866 г. для Пруссіи не трудно было организовать въ Венгріи противъ Австріи повстанческія шайки генерала Клапки, значеніе которыхъ не успѣло обнаружиться только благодаря быстрому окончанію этой кампаніи.

Въ виду вышеизложеннаго и венгерская армія въ общемъ ничего выдающагося собою не представляетъ.

Остается коснуться еще представителей остальныхъ народностей въ австро-венгерской арміи: румынъ, евреевъ, итальянцевъ и пр., составляющихъ 11,32% всего состава войскъ. Румыны (5,66%) мечтаютъ только о слияніи населенной ими Семиградіи и Буковины съ Румыніею, между тѣмъ какъ всѣ помыслы евреевъ (4,26%) направлены исключительно на наживу, а итальянцы (1%) думаютъ только о своемъ ирредентизмѣ, такъ что всѣ эти

народности будущей славѣ австрійскаго оружія отнюдь не посодѣйствуютъ, какъ не прибавили къ ней ничего и въ прошломъ.

Въ итогѣ оцѣнки разнороднаго солдатскаго матеріала австро-венгерской арміи получается мало утѣшительнаго. Изложенныя выше соображенія объясняютъ отчасти также и главнѣйшія причины частыхъ неудачъ, какія испытывали австрійскія войска въ послѣднихъ войнахъ.

Но совершенно особеннаго вниманія заслуживаетъ оцѣнка австрійскаго корпуса офицеровъ, какъ равно и упорная, въ высшей степени интенсивная работа, которая со времени Австро-прусской войны идетъ во всѣхъ родахъ войскъ австро-венгерской арміи и на всѣхъ поприщахъ военнаго знанія и дѣла.

Корпусъ австро-венгерскихъ офицеровъ въ общемъ прекрасно подготовленъ, въ особенности въ австрійской половинѣ имперіи. Въ немъ преобладаетъ нѣмецкій элементъ. Менѣе соответствующіе офицеры постоянно удаляются при помощи строгой фильтровки во всѣхъ чинахъ и должностяхъ. Въ штабъ-офицеры выдвигаютъ, по окончаніи штабъ-офицерскихъ курсовъ и послѣ достаточнаго пракческаго испытанія, лишь самыхъ способныхъ и заслуженныхъ капитановъ и ротмистровъ по избранію; старшинство имѣетъ значеніе лишь при условіи одинаковаго ценза и аттестаціи. Командировъ отдѣльныхъ частей и высшихъ начальниковъ назначаютъ съ особеннымъ разборомъ. Успѣшное окончаніе среднихъ или высшихъ военно-учебныхъ заведеній, само по себѣ, отнюдь не въ состояніи обезпечить карьеру офицеру, не желающему продолжать трудиться надъ собою по достиженіи ценза; офицерамъ всѣхъ степеней предоставлена возможность упражняться въ своей специальности и подготовляться для высшихъ должностей.

Своеобразный и, по моему мнѣнію, правильный взглядъ существуетъ въ австрійской арміи на офицерскіе браки, признаваемые здѣсь, по разнымъ соображеніямъ, мало желательными. Вступленіе въ бракъ офицеровъ затруднено здѣсь высокимъ имущественнымъ цензомъ и другими требованіями, такъ что процентъ семейныхъ офицеровъ весьма незначителенъ. По тѣмъ же причинамъ, по которымъ когда-то въ римско-католической церкви были уничтожены браки свѣтскаго духовенства, ради возстановленія расшатанной дисциплины и укрѣпленія могущества папъ п церкви, по тѣмъ же соображеніямъ въ арміяхъ западной Европы, а въ особенности въ Австріи, поддерживаютъ принципъ безбрачія офицеровъ, и прежде всего въ младшихъ чинахъ. Папѣ Григорію VII (Гильдебранту) врядъ ли бы удалось въ XI столѣтіи поднять папъ

ство до того всемірно историческаго значенія, до котораго онъ довелъ его, если бы онъ не издалъ декретъ о целибатѣ священниковъ.

Систематическая подготовка арміи къ войнѣ достигаетъ въ Австріи результатовъ весьма почтенныхъ.

Строевое обученіе всѣхъ родовъ войскъ, полевая служба, стрѣльба, инженерное, моторное дѣло и авіація, интендантская и санитарная часть доведены, во всѣхъ деталяхъ, до крайнихъ предѣловъ возможнаго. Развѣдка, въ смыслѣ умѣнія быстро добывать необходимыя свѣдѣнія для важныхъ рѣшеній, развита до высокой степени успѣшности. Войска приучены къ стройнымъ походнымъ движеніямъ съ мѣрами охраненія; они маневрируютъ смѣло и увѣренно, съ большимъ умѣніемъ примѣняются къ мѣстности. Преодоленіемъ цѣлыми частями всевозможныхъ препятствій занимаются до того серьезно, что врядъ ли гдѣ-либо достигаются лучшіе результаты. Всѣ люди и лошади обучены плаванію. Самоокапываніе и примѣненіе разнообразныхъ средствъ для обороны практикуется съ успѣхомъ. Ночной бой, новѣйшіе приемы для употребленія въ дѣло артилеріи, самостоятельныя дѣйствія кавалеріи, словомъ, всѣ данныя опыта современной войны усвоены въ теоріи и на практикѣ мирнаго времени войсками и ихъ начальниками до умѣнія управлять большими массами включительно. Вооруженіе и техническія средства, за малыми исключеніями (обусловленными требованіями экономіи, какъ напр., скорострѣльные полевые орудія изъ бронзы, вмѣсто стали),— послѣднее слово науки. Прежній духъ косности и формализма давно уступилъ сознательному стремленію къ инициативѣ и къ развитію крайней энергіи. Взаимная поддержка частей, единство дѣйствій, въ рамкахъ строгой исполнительности по отношенію къ намѣченной цѣли боя—законъ. Вся армія вотъ уже въ продолженіе 46-ти лѣтъ трудится, не покладая рукъ, не хуже ея союзницы, германской арміи, пользуясь совѣтами германскихъ авторитетовъ.

И несмотря на все, эти плоды огромнаго, долготѣшняго труда отчасти парализуются однимъ крайне важнымъ недостаткомъ, мѣшавшимъ и прежде уже боевой славѣ австрійскихъ войскъ, а нынѣ сугубо вреднымъ.

Это прежде всего отчужденіе значительной части нижнихъ чиновъ (не нѣмецкой національности) отъ своихъ начальниковъ-офицеровъ или, правильнѣе говоря, отсутствіе живой связи между офицерами и нижними чинами. Игнорируя указанія опыта, воспитаніе офицеровъ и до сего времени ведется въ духѣ нѣмецкой или

мадьярской нетерпимости къ другимъ національностямъ, доходящей часто до ненависти. Сильнѣ всего среди офицеровъ развито презрѣніе къ славянамъ. А это, конечно, отталкиваетъ нижнихъ чиновъ, въ особенности болѣе культурныхъ славянскихъ народностей.

Другимъ подобнымъ же зломъ нужно признать то обстоятельство, что выростающіе на родинѣ среди племенной вражды нижніе чины вносятъ духъ раздора и въ части арміи, гдѣ встрѣчаются съ тѣми же враждебными элементами. Вѣдь однородные по національности, не смѣшанные полки—крайняя рѣдкость въ австрійской арміи. Всѣ части пестрятъ обыкновенно составомъ разнороднымъ не только по крови, но и по духу. Возьмемъ хотя бы любой богемскій или цислейтанскій полкъ. Здѣсь славяне косятся на своихъ нѣмецкихъ товарищей, между тѣмъ какъ унтеръ-офицеры и офицеры, среди которыхъ преобладаютъ національности, чужія большинству нижнихъ чиновъ, не особенно дружелюбно смотрятъ на этихъ послѣднихъ. Еще болѣе рѣзкими представляются эти контрасты въ какомъ-нибудь малороссійскомъ полку, съ польскими преимущественно унтеръ-офицерами и нѣмецкими офицерами; или же въ венгерскихъ полкахъ, состоящихъ изъ словаковъ, угорскихъ малороссовъ, нѣмцевъ, румынъ, хорватовъ и сербовъ, съ мадьярскими и нѣмецкими офицерами и ренегатами-унтеръ-офицерами.

Какими могутъ быть дѣйствія подобныхъ частей, среди лишенныхъ и невзгодъ войны, передъ лицомъ смерти, когда всякая духовная связь между нижними чинами и офицерами, а часто и унтеръ-офицерами отсутствуетъ? Привычныя въ мирное время исполнительность и дисциплина, въ виду ужасовъ непопулярной войны, скоро поколеблются. А если опасность въ обыкновенное время сближаетъ людей, побуждая ихъ общими силами бороться за существованіе, то врядъ ли сближеніе будетъ искреннимъ между людьми различныхъ племенъ, всегда относившихся враждебно другъ къ другу? Между тѣмъ чувство родства и симпатіи къ національности противника также повліяетъ на настроеніе войскъ. Съ такими войсками, хотя бы прекрасно обученными, трудно будетъ одержать побѣду надъ противникомъ, идущимъ въ бой единодушно, безъ оглядки.

Спрашивается: почему же австрійскіе военные авторитеты не борются съ этимъ зломъ? А просто по тѣмъ же причинамъ, по которымъ австрійскіе политики не мѣняютъ своихъ отношеній къ славянамъ. Австрійскія высшія военныя сѣры, въ своемъ цѣломъ, это такая непроглядная гордыня, съ чина поручика застывшая въ

убѣжденіи безпредѣльнаго своего превосходства надъ всѣмъ славянскимъ, что со временемъ они теряютъ способность для разумѣнія истиннаго положенія арміи. Безъ подобнаго избытка племеннаго превозношенія никто не проникаетъ, за рѣдкими исключеніями, въ высшіе военные круги. Самоувѣренность ихъ переходитъ всякую мѣру. Окруженные только единомышленниками и льстецами, они въ арміи, благоустроенной съ виду и отлично вышколенной, видятъ силу, которую она не представляетъ собою на дѣлѣ. За опрометчивыми рѣшеніями слѣдуютъ потомъ разочарованія. Но неудачи приписываются чему угодно, но только не настоящему ихъ источнику.

Несмотря на отрицательныя стороны своей арміи, вытекающія изъ ошибочной внутренней политики Австріи, военная исторія этой имперіи имѣетъ и свои блестящія страницы.

Многочисленныя турецкія войны и война за испанское наслѣдство съ извѣстнымъ полководцемъ фельдмаршаломъ принцемъ Евгениемъ Савойскимъ, начиная съ 1687 по 1716 г., доставила Австріи цѣлый рядъ блистательныхъ побѣдъ: подъ Офеномъ, при Могачѣ, Зентѣ, при Петервардейнѣ и при взятіи Бѣлграда. Затѣмъ, въ 1701 г. она одержала нѣсколько побѣдъ надъ французами, въ 1704 г. при Гохштедтѣ надъ баварцами и подъ Туриномъ надъ союзными итальянцами и французами, а въ 1708 и 1709 гг. надъ французами при Уденардѣ и при Мальплаке. Даже и въ войнѣ съ Пруссіею за австрійское наслѣдство (1741—1748), Австрія имѣла удачу, а не одни пораженія. Въ XIX столѣтіи въ борьбѣ съ войсками Наполеона австрійскія войска терпѣли такія же пораженія, какъ прусская и прочія европейскія арміи. Въ 1848—1849 гг., въ періодъ повсемѣстныхъ революцій, австрійцы, если и не могли справиться съ Венгріею, зато громили, подъ командой фельдмаршала Радецкаго, итальянцевъ. И хотя потомъ въ 1859 г. Австрія подъ Маджентой и Сольферино потерпѣла поражение отъ союзныхъ войскъ Италіи и Франціи, но зато въ 1866 г. она совершенно разбила итальянскія военныя силы какъ на сушѣ (подъ Кустоцой), такъ и на морѣ (подъ Лиссой), потерпѣвъ въ то же время пораженіе отъ Пруссіи.

Результаты каждой почти войны бываютъ болѣе или менѣе неожиданными даже для военныхъ авторитетовъ. Исходъ и послѣдствія войнъ 1866, 1870, 1904 и настоящаго 1912 г. мало кто предвидѣлъ. Мнѣ кажется, что специалисты военнаго дѣла, подобно дипломатамъ въ политикѣ, часто ошибаются въ своихъ расчетахъ, главнымъ образомъ потому, что слишкомъ ужъ односторонне взвѣ-

шиваютъ шансы обѣихъ сторонъ, придавая рѣшающее значеніе обстоятельствамъ общимъ, боевой подготовкѣ, вооруженію и прежней славѣ войскъ, не замѣчая какъ будто признаковъ появленія новыхъ историческихъ моментовъ, а въ связи съ ними и значенія подъема духа народовъ, повинующихся своему историческому призванію, выразителями котораго являются въ рѣшительную минуту народныя арміи.

Исходъ будущихъ войнъ еще больше будетъ зависѣть отъ нравственнаго настроенія войскъ.

Военная психологія скоро сдѣлается важнымъ предметомъ изученія, наукой; но преподавать ее будутъ въ состояніи лишь посвященные люди, вѣрующіе въ вѣчные идеалы, всею душою преданные отечеству и самоотверженные, между тѣмъ какъ неспособные высоко подняться духомъ не будутъ въ состояніи ни исполнить долгъ свой, ни увлечь другихъ. Только первые въ состояніи увѣренно вести свои войска къ побѣдѣ. Они-то подмѣтятъ и слабыя стороны непріятеля, какъ недавно южные славяне вѣрно подмѣтили ихъ въ турецкой арміи, благодаря чему и рѣшились на борьбу съ нею.

Подобныя слабыя стороны найдутся и у нашихъ противниковъ, если намъ суждено быть вовлеченными въ войну съ ними.

Кто-то сказалъ, что двадцатое столѣтіе будетъ вѣкомъ преимущественно славянскимъ. Славяно-турецкая война какъ будто начинаетъ подтверждать это предположеніе. Недоброжелатели же славянъ предсказываютъ, что успѣхи этого блестящаго порыва и на этотъ разъ разобьются о неисправимую славянскую рознь. Но въ глубинахъ духа славянскаго покоятся еще и инныя черты, которыя, дастъ Богъ, восторжествуютъ. А если въ старину, во время тьмы духовной, эти черты были причиной частичнаго поглощенія мягкаго славянскаго элемента западными народами Европы, то въ болѣе свѣтлый періодъ сознательной народной жизни онѣ послужатъ на пользу человечеству, когда уцѣлѣвшая часть славянскаго міра соберется подъ эгидой великой Россіи. Выражаю эту мысль словами профессора К. Н. Бестужева-Рюмина, сказавшаго какъ-то:

«Народы древніе не могли отречься отъ киченія своимъ превосходствомъ. Римское отношеніе къ другимъ народамъ пережило у народовъ Запада самое господство латинскаго языка. Стоитъ только вспомнить, какъ относится англичанинъ ко всѣмъ, кто не родился англичаниномъ; также и нѣмецъ относится къ славянству. Если сѣверо-американецъ во время рабства объяснялъ законность

закрѣпощенія негровъ особою этнографическою теоріею, то и нѣмецъ избобрѣлъ не одну теорію для того, чтобы доказать свое превосходство передъ славянами... Огнемъ и мечемъ, лестію и коварствомъ втягивалъ въ себя западный міръ славянскія племена и калѣчилъ ихъ основныя начала. Народъ же русскій смотритъ на племена иного происхожденія спокойно и уважаетъ ихъ вѣры, нигдѣ самъ не сѣетъ онъ ненависти, а встрѣчая ее на пути, употребляетъ всѣ усилія отстранить ее. Но, уважая чужую вѣру, онъ готовъ постоять за свою. Промышленная и биржевая Европа не понимаетъ этого движенія; она перестала вѣрить въ человѣка потому, что тамъ каждый вѣритъ только въ себя и себя считаетъ центромъ вселенной. Наша отзывчивость, наше умѣніе понимать другіе народы—туго дается другимъ народамъ и мало понимается ими. Безкорыстность русской политики есть выраженіе того же нравственнаго начала. Ее также точно не понимаютъ и клеветуютъ въ западной Европѣ. Бога благодаря, мы еще молоды, врожденныя силы не улеглись еще въ законченный строй, но передъ нами великое будущее. Вѣримъ мы, что не втунѣ останется для народа нашего проповѣдь святыхъ братьевъ (Кирилла и Меѳодія), проникнутая сознаниемъ братства народовъ, а не господствомъ одного надъ другими, не рабства одного передъ другимъ. Къ любви, къ примиренію, къ уваженію чужого всегда призывали русскую землю ея лучшіе люди. Наступятъ года сознанія—и они близки, когда станетъ яснымъ, что иногда чужому приносятся слишкомъ большія жертвы, и на этой грани остановится общество, но и тогда признаетъ оно, что, слѣдуя безсознательному влеченію своего исконнаго начала, Русь принесла себѣ болѣе пользы, чѣмъ когда поддавалась обаянію чужихъ началъ. Не для развитія узкаго народнаго эгоизма такое громадное пространство предназначено было русскому народу; не для того поставленъ былъ онъ между Востокомъ и Западомъ, введенъ въ связь съ разнообразнѣйшими гражданственностями. Вѣримъ и надѣмся, что великая будущность ждетъ народъ русскій, что онъ явитъ ясно для всѣхъ очей начало любви; вѣримъ, что ему суждено осуществить и разнести по міру тѣ начала, которыя калѣчила языческая цивилизація, слишкомъ ясно сказывающаяся въ исторіи христіанскихъ народовъ».

Я. Чербинка.

